

РУССКИЕ — УЧАСТНИКИ И ОЧЕВИДЦЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1830 г.

О. В. ОРЛИК

Первое упоминание об отношении русского общества к французской революции 1830 г. находим у М. К. Лемке, однако он ошибочно полагал, что в России отсутствовал какой-либо интерес к июльской революции¹. Такая точка зрения еще не подвергнута аргументированной критике. Этого не сделал и первый серьезный исследователь названного вопроса — А. И. Молок². Хотя он строго разграничил отношение к революции официальной России и передовой, а подчас и революционно настроенной части русского общества, не все вопросы темы освещены им одинаково. Гораздо полнее показана Молоком реакция на французскую революцию правящей России. Довольно узкая источниковедческая база, очевидно, была причиной весьма спорного вывода, к которому пришел А. И. Молок: «...Нигде сочувственные июльской революции

¹ См. М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., СПб., 1909, стр. 51—52.

² См. А. И. Молок. Царская Россия и революция 1830 г. во Франции, «Борьба классов», № 7, 1936; Его же. Царская Россия и июльская революция. «Литературное наследство», № 29—30, М., 1937; Его же. Июльские дни 1830 г. в Париже. «Исторические записки», т. 20.

голоса не звучали так робко, так глухо (подчеркнуто мной.— О. О.), как в Российской империи»³.

Советскими исследователями пока только намечен путь изучения вопроса об отношении русского общества к французской революции 1830 г. Не касаясь его в целом, настоящее сообщение дает обзор фактов об участии русских в революции, о ее очевидцах, так как эта часть общего вопроса выпала из поля зрения исследователей. Имеются только отдельные упоминания о двух русских участниках революции⁴. Общественные и политические взгляды более широкого круга участников июльских событий, почва формирования их мировоззрения, взаимосвязь их отношения к французской революции и отношения к судьбам России — все это до сих пор не было предметом исследования. Обнаруженные нами новые материалы позволяют расширить и углубить представление о реакции русского общества на июльскую революцию, и, в частности, об участии в ней многих передовых представителей России.

* * *

М. А. Кологривов, С. Д. Полторацкий, В. Росси, М. М. Кирьяков, Мирецкий, С. А. Соболевский, братья А. И. и Н. И. Тургеневы, Н. Д. Киселев и др.— по всей вероятности, это еще неполный список выходцев из России — участников июльской революции и очевидцев, приветствовавших ее.

Среди них Михаил Андреевич Кологривов по праву занимает одно из самых видных мест. По сравнению с другими известными нам участниками июльской революции о М. А. Кологривове сохранилось больше всего материалов, которые позволяют раскрыть его общественно-политические взгляды, роль в революционных событиях 1830 г.⁵

Еще до поездки за границу у М. Кологривова сложились свободолюбивые воззрения, питательной почвой которых было смелое выступление дворянских революционеров 1825 г. «Родные с печалью отмечали, — писал о нем Бегичев, — что и он уже подвержен тому безрассудному вольнодумству, которое есть отличительнейшая черта нравов молодых людей нынешней эпохи»⁶.

Французская революция 1830 г. застала Кологривова в Париже. С первых же дней революции Кологривов выступил на стороне левых республиканцев, смело сражался на баррикадах, готовый скорее погибнуть, чем отступить.

«Вы знаете мои политические взгляды, вы знаете как никто лучше, что я ненавижу деспотизм и что я не мог бы никогда жить при режиме абсолютизма»⁷, — сообщал он в сентябре 1830 г. в письме к Бегичеву. Поэтому, когда из России пришел строжайший приказ Николая I всем русским подданным немедленно покинуть территорию Франции, Кологривов совершенно сознательно решил не выполнять этого приказа и в Россию не возвращаться, а посвятить свою жизнь борьбе за освобождение народов от гнета монархов. В связи с этим решением он на-

³ А. И. Молок. Царская Россия и июльская революция. «Литературное наследство», т. 29—30, стр. 728.

⁴ М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы, М., 1951, стр. 520; см. также И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти 19 в., М., 1958. Публикация Эм. Кацмана «Русский доброволец в рядах испанских инсургентов в 1830 г.». «Красный архив», 1937, т. 4 (83).

⁵ Некоторые биографические сведения о Кологривове содержатся в указанных работах М. В. Нечкиной и Эм. Кацмана.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экзп., 1830 г., д. 351, л. 17 (перевод всех упоминаемых материалов, написанных на французском языке, сделан автором).

⁷ Там же, л. 7 об. Ср. «Красный архив», т. 4 (83), стр. 113.

писал матери письмо, в котором заявлял о своих республиканских взглядах, о ненависти к роялизму и о твердом намерении продолжать революционную борьбу: «Последняя революция меня утвердила окончательно в моих взглядах, в моей ненависти против тиранов. Принимая активное участие в этой революции в Париже, в борьбе против роялистов, жалких рабов, посвятив мою жизнь делу высокой свободы, [считаю] невозможным возвращение в Россию по приказу императора»⁸.

Видимо, Кологривов знал некоторых своих соотечественников, так же как и он принявших активное участие в июльской революции. Это предположение подтверждается показанием Бегичева, отмечавшим, что Кологривов в революционную борьбу был «завлечен буйными развращенными соотечественниками своими»⁹.

После победы июльской революции Кологривов принимает активное участие в борьбе испанских инсургентов. В середине сентября 1830 г. он вступает в «Священный легион» генерала Мины — по словам К. Маркса, представителя «наиболее революционной части испанского общества»¹⁰.

Вместе с Кологривовым в рядах «Священного легиона» сражался еще один русский — Валериан Росси, сын придворного художника. Валериан Росси, проведя несколько лет в Италии и Франции, должен был в 1830 г. возвратиться в Россию¹¹. Однако французская революция и испанские события изменили его планы. Летом 1830 г. он находился в Анконе, ставшей центром формирования революционных испанских войск. Здесь он вступил в «Священный легион» и в чине младшего офицера сражался на стороне испанских повстанцев¹². Вполне возможно, что соотечественники Кологривов и Росси знали друг друга.

С «Священным легионом» М. Кологривов прошел тяжелый боевой путь как лейтенант штаба повстанческих войск вплоть до начала 1831 г. Положение Кологривова в этот период было очень трудным. О нем узнало III отделение. Его разыскивали из посольства для немедленного возвращения в Россию. «Некто Михаил Кологривов, находившийся в Париже... сообщалось III отделением, — не только там участвовал в бунте, но и отправился... в корпус испанских инсургентов, в службу коих вступил дабы под предводительством Мины сражаться против испанцев, оставшихся верными своему королю. Таким образом, нарушив долг российского подданного, изъясняется при том весьма дерзко насчет российского правительства»¹³. Кологривов знал, что его участие в революционных событиях Франции и Испании вызовет не только осуждение семьи, но и преследование со стороны власти.

Ко времени установления за ним слежки Кологривов был уже у границ Испании.

Поражение испанских повстанцев сделало невозможным дальнейшее пребывание Кологривова во Франции. Он решил вернуться на Родину, о чем сообщил своей матери в феврале 1831 г. из Буржу¹⁴.

В этом же году в России начался судебный процесс по делу Кологривова. Он был объявлен политическим преступником и заочно осужден на смертную казнь через повешение. Но поскольку Кологривов отсутствовал, его предполагалось подвергнуть позорной казни — «выставить имя и фамилию его на досках в обеих столицах с помещением гнусного Кологривова поступка, а письма его сжечь».

Однако подобного рода публичное наказание Кологривова, несомненно, привлекло бы к нему широкое внимание, что было совсем неже-

⁸ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., 1830 г., д. 315, л. 8; Ср. «Красный архив», т. 4(83), стр. 113.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., 1830 г., д. 351, л. 18об.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, М., 1958, стр. 457.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1830 г., д. 54, л. 1.

¹² ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., 1830 г., д. 286, ч. 2, л. 67.

¹³ Там же, д. 351, л. 4.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., 1830 г., д. 351, л. 18.

лательным для властей. Тем более, что слухи о революционной деятельности Кологривова каким-то образом просачивались в Россию и, по всей вероятности, оживленно комментировались¹⁵.

Николай I приказал приостановить дело Кологривова. Лицемерно уступая просьбам матери Кологривова, он дал согласие на его возвращение в Россию. Но это было не «всемилоостивейшее» прощение монарха, а западня. Кологривов сразу же по возвращении в Россию, в 1832 г. был сослан по распоряжению Николая I рядовым в 44-й Егерский полк, находившийся на Кавказе, и взят под строжайший надзор III отделения¹⁶. Из опасения, что Кологривов будет продолжать свою революционную деятельность в армии, его неоднократно переводили из одного полка в другой. Так, в 1833 г. он был переведен в 42-й Егерский полк, а затем — в пехотный полк генерала Паскевича¹⁷. К сожалению, на этом обрываются сведения о дальнейшей судьбе Кологривова.

Близок к М. А. Кологривову по своим общественно-политическим взглядам, по отношению к французской революции 1830 г. Сергей Дмитриевич Полторацкий.

Выехав из России в июне 1830 г., Полторацкий прибыл во Францию всего за несколько дней до начала июльской революции. «Я не мог удержаться,— писал он 3 августа 1830 г. Фредерику Дежоржу,— поздравить Вас от всей души с блестящим и величественным триумфом, который только что одержала Ваша прекрасная нация; какие замечательные страницы Вашей истории!»¹⁸.

Полторацкий не только приветствовал французскую революцию, он принимал «участие в уличных криках и революционных заявлениях»¹⁹, вступил во французскую Национальную гвардию под командованием Лафайета. Известия об этом также проникли в Россию. Так, в ноябре 1830 г. об участии Полторацкого в июльской революции уже есть заметки в письмах его знакомых — А. Я. Булгакова и П. А. Вяземского. «Нет, каков милейший Сергей Полторацкий в Париже!...— писал А. Я. Булгаков из Москвы своему брату К. Я. Булгакову.— Он держал речь, ораторствовал и вошел, ты думаешь, в какое-нибудь ученое общество членом (ибо хороший литератор), нет, вошел солдатом в Парижскую национальную гвардию!»²⁰.

Как бывший офицер Полторацкий, несомненно, был очень полезен для молодой революционной армии. Его хорошо знали в революционной среде Франции и Бельгии: он был приглашен вместе со многими виднейшими деятелями Франции на банкет, устроенный в честь начала революции в Бельгии и тех руководителей борьбы за национальную независимость страны, которые были высланы оттуда и находились во Франции. Среди них были Поттер, представитель левой либеральной оппозиции, впоследствии член Временного революционного правительства Бельгии, Тильман, Бартельс и др. Патриотический банкет состоялся 2 сентября 1830 г. и проходил под девизом «свобода — власть народу»²¹.

Стараясь скрыть свое участие в революции, Полторацкий долгое время не заявлял в русское посольство в Париже о своем прибытии²².

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 79, оп. 1, д. 5, л. 65. (Дневник А. Я. Булгакова).

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., 1830 г., д. 351, лл. 47 и об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Отдел рукописей Б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 603, № 70, л. 1.

¹⁹ «Русский архив», 1909, № 4, стр. 567. Примечания редактора П. Бартенева к двум письмам неизвестных лиц об июльской революции.

²⁰ Там же, 1901 г., № 3, стр. 540. Письмо А. Я. Булгакова от 25 ноября 1830 г.

²¹ Отдел рукописей Б-ки им. В. И. Ленина, ф. 233, кар. 3, № 83.

²² См. там же, ф. 129, кар. 15. Письмо Н. Д. Киселева из Парижа к матери в Москву от 22 августа 1830 г.; ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., 1830 г., д. 286, ч. 2. Список российских подданных от 23 августа и от 14 ноября 1830 г., д. 168, л. 5.

Благодаря этому ему удалось избежать слежки агентов посольства и отвести впоследствии подозрения III отделения относительно его участия в революции. Осенью 1830 г., когда до III отделения все же дошли слухи о симпатиях Полторацкого к июльской революции и даже о его участии в ней, над Полторацким нависла угроза обвинения в политическом преступлении. На Полторацкого было заведено дело, а о нем самом было доложено Николаю I в отчете III отделения за 1830 г.²³ О «заблуждениях» Полторацкого «в политическом отношении» писал в 1831 г. Бенкендорф его дяде — тайному советнику К. М. Полторацкому, указывая на возможные для племянника тяжелые последствия²⁴. Однако за недостаточностью сведений, которыми располагало III отделение, дело было приостановлено. Родственники Полторацкого, имевшие большие связи в высшем свете, добились для него разрешения остаться в Париже до 1832 г.

После июльской революции Полторацкий изучал труды Сен-Симона, посещал лекции крупнейших историков Франции²⁵, установил связь с редакциями газеты «Le Globe»²⁶ и журнала «Revue encyclopédique»²⁷.

Впоследствии на протяжении долгих лет он продолжал собирать и изучать материалы о революционном движении в Европе, в частности во Франции²⁸. С особенным интересом Полторацкий относился к вопросам международных революционных связей²⁹.

Рядом с именем Полторацкого в числе участников июльской революции упоминается (например, в письмах А. Я. Булгакова и П. А. Вяземского за 1830 г.) сотрудник Московского архива иностранных дел С. А. Соболевский. Так, А. Я. Булгаков писал в ноябре 1830 г. своему брату в Петербург: «Молодой Соболевский, приятель наших Голицыных, которого чуть не ты ли и в службу записал мальчишкой (он сын побочный Соймонова и А. И. Лобковой), за делом поехал в Париж! Замешался в толпе народной, штурмовавшей Hôtel de Ville в прославленные ими три дня бунта, был ранен и умер в госпитале»³⁰. Слух о гибели Соболевского оказался ложным. Вопрос о его участии в революции еще до конца не выяснен, хотя его письмо в Париж к А. И. Тургеневу от 29 сентября 1830 г. дает основания для положительного ответа на этот вопрос³¹.

В некоторых материалах, относящихся к 1830 г., кроме общей оценки революции, содержатся сведения о боевых июльских днях. Так, в воспоминаниях одного француза — участника июльской революции сохранились восхищенные отзывы о героизме Леонарда Ходзько и его друга Мирецкого. По отзывам этого француза, они «стали настоящими героями баррикад»³².

Ходзько, по всей вероятности, был знаком с Полторацким (в архиве

²³ См. «Красный архив», т. 1 (38), 1930, стр. 141—142.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 экзп., 1831 г., д. 168, л. 5.

²⁵ Там же, л. 1.

²⁶ Отдел рукописей Б-ки им. В. И. Ленина, ф. 233, кар. 13, № 44.

²⁷ Отдел рукописей Б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 603, № 231, лл. 15, 17 и др.

²⁸ Вернувшись на родину, Полторацкий стал крупнейшим библиографом. Он продолжал пополнять библиотеку ценных древних рукописей, книг и газет, основателем которой был его дед — известный собиратель рукописей П. К. Хлебников. Библиотека Полторацкого была приобретена в 1865 г. Румянцевским музеем.

²⁹ Отдел рукописей Б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 603, № 231, стр. 14, 35—36.

³⁰ «Русский архив», 1901, № 12, стр. 542. Письмо А. Я. Булгакова от 29 ноября 1830 г.

³¹ ИРЛИ, ф. 309, № 2180. Письмо С. А. Соболевского от 23 сентября 1830 г.

³² А. Белов. Иностранцы о России. «Исторический вестник», 1914, т. 136, стр. 1109. Революционная деятельность Л. Ходзько в Париже представляет яркую страницу польско-французских революционных связей. В данном случае нас интересуют его связи с русскими.

последнего сохранилась присланная ему в Париже 9 августа 1830 г. визитная карточка Л. Ходзько)³³.

Как и М. Кологривов, Ходзько отказался выполнить приказ Николая I о немедленном выезде из Франции. Он остался в Париже и продолжал службу в Национальной гвардии. Ходзько наряду с Кологривовым был объявлен политическим преступником, и ему был запрещен въезд в Россию. Узнав от III отделения о намерении Ходзько вернуться в Россию, Николай I приказал в случае появления Ходзько на границе «схватив его, опечатать все найденные при нем бумаги и за строжайшим надзором доставить в... Вильну», уведомив тотчас Бенкендорфа³⁴.

Активно участвовал в революции и Михаил Михайлович Кирьяков, бывший студент Московского университета, чиновник канцелярии графа М. С. Воронцова в Одессе, где в юношеские годы он встречался с А. С. Пушкиным, часто бывавшим в их прогрессивно настроенной семье³⁵.

Получив в связи с болезнью разрешение на выезд за границу, Кирьяков в начале июля 1830 г. прибыл в Париж³⁶, где прожил более семи недель³⁷. Здесь и застала его июльская революция. «Я не могу налюбоваться и благодарить досыта свое счастье, доставившее мне случай видеть революцию 26, 27, 28 июля, — писал он в августе 1830 г. — Ничего более любопытного я не могу видеть в жизнь свою — в три дня низвергнутую монархию. Были и минуты ужасные, как, например, в то время, когда разнесся слух, что король обложил Париж войсками и хочет принудить к повиновению непокорных голодом»³⁸.

Это письмо, написанное им уже после революции, из Страсбурга в Одессу к своей родственнице М. И. Кюрье, попало в руки III отделения. Узнав о подозрениях III отделения, Кирьяков составил для допроса вымышленную им версию о том, что он был болен 26—28 июля, а потому ничего о событиях не знал и в них не участвовал. В действительности же письма Кирьякова к родственникам, его рассказы одесским друзьям об июльской революции позволяют предполагать, что Кирьяков был не только очевидцем, но и участником этих событий. В письме к М. И. Кюрье он рассказывал, что во время революционных боев «в двух шагах» от него падали убитые. Убитых было так много, что приходилось пробираться по улицам, спотыкаясь о трупы³⁹. Кирьяков был среди восставших и под неприятельскими пулями во время революционных сражений, а после победы — в толпах ликующего народа на площадях Парижа, в театрах, где выступали многочисленные ораторы⁴⁰.

Во время пребывания во Франции Кирьякову удалось завязать тесные связи со многими крупными учеными, в частности с академиком Сталем, с активным участником революции А. Ремюза. Эти связи он сумел сохранить и в России, несмотря на все строгости со стороны III отделения⁴¹. После отъезда из Парижа, в Вене, Кирьяков получил от Бенкендорфа приказ немедленно возвратиться в Россию. Этот приказ был санкционирован Николаем I, которому Бенкендорф доложил о взглядах и поступках «предосудительного революционера» Кирьякова.

Тяжелые условия, в которых оказался Кирьяков после возвращения в Россию, постоянный придирчивый надзор со стороны III отделения

³³ Отдел рукописей Б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 603, № 227, л. 1.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., 1831 г., д. 7, лл. 1—6.

³⁵ См. «Пушкин. Статьи и материалы (Одесские знакомые Пушкина)», Одесса, вып. 3, 1927, стр. 57.

³⁶ ИРЛИ, р. 1, оп. 12, д. 271, л. 2 и об.

³⁷ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., 1830 г., д. 334, лл. 5об., 6, 14.

³⁸ И. А. Федосов. Указ. соч., стр. 88.

³⁹ См. ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., 1830 г., д. 334, лл. 32—33об.

⁴⁰ Там же, лл. 5об—6.

⁴¹ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. I, 1844, стр. 581.

подорвали его здоровье. В 29 лет (в 1839 г.) он умер⁴². И только накануне его смерти пришло «всемиловитвейшее» решение Николая I о снятии надзора с умирающего.

Среди русских, не принимавших в революции непосредственного участия, многие с большим воодушевлением восприняли июльские события. Можно назвать, например, братьев А. И. и Н. И. Тургеневых, Н. Д. Киселева и др.

Во время июльских событий А. И. Тургенев не был в Париже. 30 июля в Ниме, а затем 1 августа в Марселе он узнал о начале революции в Париже.

30 июля в Ниме Тургенев впервые написал об этом в своем дневнике: «Заходил в кабак, где читал чтец народу *le Constitutionnel de 26 Juil*, ругая министров и нынешнего епископа за его послание». 1 августа продолжал: «9 часов утра, воскресенье... бродил по городу — слухи о революции в Париже, крики, толпы народа»; 4 августа: «...прокламация о трехцветном знамени». 5 августа: «увидел трехцветное знамя в первый раз... на Городской ратуше «Национальная гвардия», Гизо и Броннио министры: это и для нас может быть эпохой»⁴³.

Дневник («журнал») А. И. Тургенева — чрезвычайно интересный и мало известный источник⁴⁴.

Записи Тургенева о революции, несмотря на их краткость и осторожность, содержат сведения не только о Париже, но и, что особенно интересно, о революционном подъеме в провинции, на юге Франции. Они дополняют известия о распространении революции, оставленные нам русскими — очевидцами этих событий⁴⁵.

5 сентября 1830 г. А. И. Тургенев возвратился в Париж⁴⁶ и на другой день «был в Камере депутатов: видал и говорил... с Гизо., мадам Рекамье, с Шатобрианом...»⁴⁷, 11 октября был у «сен-симонистов... слушал «чтение из печатной книги глав о методах» и критиковал их увлечение религиозными идеями»⁴⁸. 20 ноября Тургенев присутствовал на одном из собраний в Коммерческом Атенеуме, где собирались сторонники республиканца Одилона-Барро⁴⁹.

А. И. Тургенева и других русских, находившихся тогда в Париже, очень волновали взаимоотношения России и Франции. Он следующим образом оценил отношение Николая I к революционной Франции: «Император Николай хвалится высоким уважением к Франции и французам, но он афиширует в то же время дикую ненависть к новой династии, избранной в июле»⁵⁰. Близкий по своим взглядам к умеренному, конституционно-монархическому течению Северного общества декабристов, А. И. Тургенев, как и его брат Николай, стоял за утверждение конституционной монархии в России, а потому с такой симпатией от-

⁴² М. М. Кирьяков как агроном, историк и археолог был хорошо известен в России и в научных кругах многих стран. К сожалению, в литературе научная деятельность Кирьякова освещена очень неполно. Имеется только одна статья о М. М. Кирьякове: в справочнике С. Ю. Липшица «Русские ботаники (Ботаники России — СССР)», т. 4, М., 1952.

⁴³ ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 117 и об.

⁴⁴ Там же, № 308, 325. Журнал за 1828—1832 гг.

⁴⁵ О революционном подъеме на юге Франции есть сведения еще у одного русского очевидца этих событий — Алексея Философова, свидетеля революционного подъема, охватившего Марсель и Перпиньян в августе-сентябре 1830 г., о чем он писал 23 сентября 1830 г. в Россию своему родственнику А. Р. Томилову. (См. ЦГИАЛ, ф. 1086, оп. 1, д. 207, л. 12 и об.).

⁴⁶ ИРЛИ, ф. 309, № 308, лл. 117об.—118об., 128. В Париже он пробыл с 5 сентября по 23 декабря 1830 г., после чего выехал в Лондон, а оттуда в Россию.

⁴⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 128.

⁴⁸ Там же, л. 135.

⁴⁹ Там же, л. 140.

⁵⁰ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2887, л. 114.

неся сначала к новой монархии во Франции⁵¹. Однако он быстро сумел понять ее пороки и шаткость трона Луи-Филиппа⁵². Меткие характеристики и суждения А. И. Тургенева стяжали ему славу опасного, нетерпимого человека. Французское правительство, так же как и русское, пристально следило за ним⁵³.

Прожив много лет во Франции, А. И. Тургенев не порывал постоянной связи с Россией, жил ее думами и заботами. «Волею и неволею я принадлежу России, ее истории, ее внутренней жизни, ее коммерчам, ее порокам и бедствиям, ее славе и доблести. Я весь русский...», — писал он П. А. Вяземскому⁵⁴.

Брат А. И. Тургенева — Николай Иванович — в 30-х годах вел значительно меньшую переписку, был весьма немногословен, когда речь шла о политических сюжетах. Отношение к Н. И. Тургеневу как «к государственному преступнику» некоторых русских, попадавших в Париж⁵⁵, и пристальное внимание к нему многих политических деятелей Англии и Франции, делали его особенно сдержанным. Тем не менее июльская революция настолько захватила его, что он постоянно сообщал о своих наблюдениях и размышлениях в связи с ней брату. Н. И. Тургенев находился в то время в Лондоне, но с первого же дня июльской революции стремился попасть в Париж, окунуться в гущу революционных событий. В течение августа — декабря 1830 г. (до приезда в Лондон А. И. Тургенева) он отправил брату много писем, в которых делился с ним своими соображениями по поводу происходивших событий⁵⁶. В Лондоне Тургенев был хорошо информирован о делах Франции. Так, уже 29 июля он писал брату: «Вчера газеты возвестили неожиданные перемены во Франции... Теперь король, конечно, не может уже почитаться. И для него лично, по всем сведениям, предстоят решительные перемены в житей-быть»⁵⁷.

Итак, вопрос о победе революции, окончательном падении Карла X был ясен для Тургенева с самого начала революции. Выступая против самодержавия и деспотизма в России, Тургенев приветствовал революцию во Франции и радовался ее победе. Он сумел правильно понять и определить политические цели и последствия июльской революции. Но как представитель дворянских революционеров, он не уделил должного внимания роли в революции французского народа, совершившего ее, не смог сразу понять требования народа и выдвигаемые им задачи. Так, по мнению Тургенева, требование народом казни бывших министров Карла X, принесших ему много горя и страданий, было лишь проявлением его «кроважности». «Я не верю, чтобы во Франции в народе было сильно желание казни бывших министров. Это совсем не в духе теперешнего времени». «То, что мы видим и в газетах и что вы пишете о кровавости народа в Париже, совсем не забавно, — отвечал он на письмо А. И. Тургенева 15 октября 1830 г., — я этого просто не понимаю»⁵⁸.

⁵¹ Там же, ф. 472, оп. 1, № 37, л. 4.

⁵² Отдел рукописей Б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 167, № 81, л. 1; «Письма А. И. Тургенева Булгаковым», М., 1939, стр. 227.

⁵³ См. «Остафьевский архив», т. IV, СПб., 1899, стр. 319; ЦГАОР СССР, ф. III отд. 1 эксп., 1831 г., д. 336, л. 9; там же. Секретный архив, д. 1899, л. 1; ИРЛИ, ф. 309, № 4714, л. 29.

⁵⁴ «Остафьевский архив», т. IV, стр. 105. Письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 28 марта 1840 г.

⁵⁵ ЦГАЛИ, ф. 501, оп. 1, д. 211, л. 17. Н. И. Тургенев писал в ноябре 1831 г. из Парижа, что приехавшая в Париж С. П. Свечина всячески избегала с ним встречи из-за его «политического положения и отношения к Российскому правительству».

⁵⁶ Эти письма не опубликованы. Они хранятся в ИРЛИ, ф. 309, № 232 (Сборник писем Н. И. Тургенева за 1829 — 3 дек. 1830 г.).

⁵⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 232, л. 163.

⁵⁸ Там же, лл. 183, 185.

Правда, Тургенев считал, что народ мог выступать с таким требованием «в силу права, ему данного законом»⁵⁹. Однако, кроме юридических прав, другие причины им не вскрываются. Дальнейшее обострение классовой борьбы во Франции заставило его внимательнее отнестись к задачам и требованиям французского народа, его роли в истории страны. Отмечая рост народного движения в стране, вызванного недовольством политикой нового буржуазного правительства Луи-Филиппа, Н. И. Тургенев писал 10 ноября 1830 г.: во Франции «все идет так, как... должно было ожидать после трех дней июля. Гизо или его партия, очевидно, хотели остановить движение, но это не в их воле. Движение сначала было сильно только в Париже, но Париж движет почти всегда... судьбу Франции»⁶⁰. В последующие годы, особенно после переезда в Париж в 1831 г., Тургенев постоянно отмечает рост классовой борьбы во Франции, усиливавшуюся шаткость положения новой монархии. Об этом ярко свидетельствуют его записи, сделанные 12, 20 января 1832 г., 25 марта 1840 г., и др.⁶¹

При явно враждебном отношении царизма к революции во Франции, отдельные представители официальной России иначе оценивали эту революцию.

В противоположность официальному реакционному воззрению на июльскую революцию, поддерживаемую русским посольством в Париже, его секретарь Киселев положительно относился к революции и к новой буржуазной монархии. Не останавливаясь подробно на изложении хода июльской революции⁶², данным Киселевым, что само по себе представляет несомненный интерес, следует отметить ту благожелательность и даже восторженность, с которой он описывает революционное выступление народа: «Посреди кровопролития и всеобщего возмущения не было ни грабежей, ни насилий, ни даже малейшего воровства. Все заняты были одною мыслию: защитением своих прав и независимости. В день последнего сражения все к вечеру ходили по улицам без малейшего опасения и на другой день, хотя весь город был изувечен: дома избиты ядрами и картечью, на бульварах деревья срублены, мостовые испорчены для построения баррикад и так далее, а все вместе походило на народный праздник, на котором друг друга поздравляли и всяк торжествовал всеобщую победу»⁶³.

Однако либерализм Н. Д. Киселева даже в эту пору не шел дальше желания некоторых политических свобод и социальных реформ. Очень скоро он переходит в лагерь реакции, с ненавистью отзываясь о народных выступлениях, вызванных буржуазной политикой Луи-Филиппа⁶⁴.

В отношении к французской революции у русских — ее участников и очевидцев ярко проявились их социально-политические взгляды, которые сложились еще на родине, под влиянием российской действительности, в связи с их отношением к возможным и необходимым социально-экономическим преобразованиям в России. Позиции каждого из них определялись более или менее радикальными взглядами или же, наоборот, консерватизмом относительно дальнейшего развития общественного устройства своей страны.

В условиях России 30-х годов XIX в. всякое движение воспринималось как борьба против произвола и насилия. При этом не всегда учитывался характер этого движения, ее движущие силы, цели и т. п. Исход июльской революции вызвал у передовой России неверие в воз-

⁵⁹ Там же, л. 180.

⁶⁰ Там же, л. 192об.

⁶¹ См. «Архив братьев Тургеневых», вып. 6, Пг., 1921, стр. 465; ИРЛИ, ф. 309, № 4714, лл. 38—38об.; «Остафьевский архив», т. IV, стр. 101—103.

⁶² См. Отдел рукописей Б-ки им. В. И. Ленина, ф. 129, кор. 15, № 35, стр. 2.

⁶³ Там же, стр. 5.

⁶⁴ См. там же. Письмо из Парижа к С. Д. Киселеву в Москву от 19 марта 1831 г.

возможность установления справедливости при новых, буржуазных порядках, показал невозможность ограничиться идеалами декабристов. Начинается критика буржуазного строя и поиски путей создания нового общества. Интерес к судьбе России, стремление понять, как изменить существующий строй и каким он должен быть, усиливает внимание к идеям французских социалистов-утопистов. Начинаются мучительные поиски революционной теории, поиски, которые позже содействовали появлению революционно-демократического направления в русском революционном движении.

